

СЛОВО,

сказанное на заупокойной литургіи, въ день погребенія
высокопреосвященнаго Іоанникія, митрополита Кіевскаго и
Галицкаго, первенствующаго члена Св. Синода.

„Чаю жизни будущаго вѣка“.

Возносится безкровная жертва, а благоговѣйный совершитель службы Божіей, первосвятитель русской Церкви, безмолствуетъ, — мы зримъ его безгласна, ибо стоитъ онъ теперь предъ лицомъ Того, Кому здѣсь на землѣ столь долго и столь усердно служилъ. Рукъ человѣка не изобразить, уму его не представить того, что переживаетъ теперь нашъ Святитель, вступивши туда, куда всегда стремилось его пламенѣвшее любовью сердце. Языкъ нашъ напрасно сталъ бы усиливаться выразить то состояніе, въ какомъ находится душа нашего Отца, посвятившаго себя Богу, потрудившагося для Бога и несомнѣнно теперь удостоившагося благодатнаго посѣщенія Того, Кто весь есть сладость и весь желаніе (Пѣсн. II. V, 16) и Кто для него всегда былъ такимъ. Мы и не дерзаемъ сдѣлать это. Уповая на то, что и тамъ, какъ и здѣсь, любовь его къ намъ таже, мы позволимъ себѣ благоговѣйною рукою поднять лишь край завѣсы съ той таинственной храмины его, въ ко-

торой три четверти вѣка постепенно собиралось и умножалось нетлѣнное сокровище.

Онъ жилъ среди насъ и мы видѣли, какъ въ послѣднее время хладѣла рука его, тускнѣлъ взоръ, изнемогалъ языкъ, но мы видѣли также и то, что и въ немощной плоти до послѣднихъ минутъ своей жизни сохранилъ онъ бодрый духъ, ясный умъ и отзывчивое сердце,—до послѣдней минуты онъ жилъ такъ, какъ жилъ всю свою жизнь.

Какъ же онъ жилъ?

Съ малыхъ лѣтъ своихъ онъ понялъ, что самое лучшее въ жизни не то, что мы въ ней видимъ и чѣмъ она намъ кажется,—онъ понялъ, что міръ этотъ только обѣщаетъ радость, а чаще даетъ одну горечь,—открываетъ широкую дорогу, но эта дорога безнадежныхъ блужданій и обмана,—онъ уразумѣлъ, что лучшее въ жизни—тотъ истинный духъ, который ее оживляетъ, то будущее, къ которому она приводитъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ сталъ готовиться къ той жизни, и въ то время, когда открылись предъ нимъ двери здѣшней жизни со всѣми ея радостями, онъ заявляетъ, что „издавна имѣлъ желаніе поступить въ монашеское званіе“ и вступаетъ на узкій путь иночества, путь тернистый, полный духовной брани. Не легко совершился этотъ выборъ между Богомъ и суетнымъ міромъ,—не мало пережилъ почившій мрачныхъ часовъ, въ которые воля его колебалась подъ напоромъ мірской сладости,—но онъ рѣшилъ выборъ, вступилъ на истинный путь, и подъ руководствомъ опытнаго старца созрѣлъ этотъ юный ратникъ царства Христова и сталъ „тщаніемъ не лѣнивъ, духомъ горя, Господеви работая“ (Рим. XII, 11).

Терпѣніемъ, вдумчивостью, борьбою, вѣрою и любовью пріобрѣлъ онъ опытъ христіанской жизни, сущность которой въ самоотреченіи. Онъ опытно постигъ, что надо приносить въ жертву Богу какъ жизнь, такъ и все, что съ нею связано. Ибо кто ограничиваетъ настоящею жизнію всѣ свои желанія, цѣль своей жизни ставляетъ въ удовольствіяхъ, суетномъ богатствѣ и мелочныхъ попеченіяхъ, тотъ все теряетъ въ жизни, равно какъ и самую жизнь (Мѣ. X, 39), тотъ побѣжденъ бываетъ отъ зла, не побѣждая благимъ злое (Рим. XII, 21), — такой и не можетъ быть побѣдителемъ, ибо нѣтъ ничего надежнѣе, какъ это временное и чувственное, обольщающее чувство. обманывающее умъ, увлекающее человѣка для того только, чтобы потомъ придти ему въ себя и съ горькимъ сознаніемъ сказать: „немного сладости вкусилъ я и вотъ долженъ умереть“. И какъ несчастенъ тотъ, кто только у гроба во всей силѣ постигаетъ, что все земное дается намъ на время; все временное—для вѣчности. И какъ много такихъ, на кого только гробъ можетъ произвести спасительное впечатлѣніе,—такихъ, для которыхъ только у гроба начинается разоблачаться тайна жизни здѣшней, вся страшная будущность цѣлой безконечной вѣчности. Есть такіе,—много ихъ.

Но какъ счастливъ тотъ, кто всю жизнь свою земную проводить въ мысли о той небесной. Все окружающее его какъ бы истончается и умалется предъ Высшимъ Существомъ, мыслию о Которомъ онъ живетъ, и живетъ онъ жизнію необыкновенною, жизнію изумительною, высокою, ибо живетъ онъ въ Богѣ и Богомъ. Любитъ онъ то, что любить Богъ, любить такъ, какъ любить Богъ, хочетъ того, что угодно

Богу и хочетъ такъ, какъ Богу угодно. Вотъ то нѣ-что, которое столь прочно, что его цѣлымъ и нетрону-тымъ можно пронести сквозь всѣ здѣшнія препят-ствія и, благословляя жизнь, сойти съ нимъ въ гробъ, перенестись въ вѣчность. Это нѣчто есть то духовное настроеніе, которое влечетъ человѣка къ блаженной вѣчности, господствуетъ въ немъ надъ всѣмъ, все проникаетъ собою и все въ немъ одушевляетъ. И какой чудный, отрадный смыслъ получаетъ весь этотъ міръ, вся эта жизнь въ очахъ человѣка, обла-дающаго такимъ настроеніемъ. Такой человѣкъ бла-женствуетъ уже и здѣсь. Повидимому, если міръ есть то, что онъ есть, если онъ преисполненъ бѣдъ и несчастій, если въ немъ вѣчно находишься подъ страхомъ смерти, то какъ же можно живя въ немъ не страдать. А между тѣмъ, жизнь безъ страданій вполне возможна и здѣсь,—но возможна она для тѣхъ только, кто, живя здѣсь, живетъ мыслию о той жизни. Случиться съ такимъ какое-либо горе, постигнетъ его несчастіе, духовное настроеніе, въ которомъ онъ жи-ветъ, возбуждаетъ въ немъ скрытую силу, дающую возможность такому человѣку и во время самыхъ бѣдъ и скорбей дѣлаться человѣчнѣе, улучшаться, возвышаться. Духовное настроеніе его отрѣшаетъ его отъ всѣхъ временныхъ вещей, изъ которыхъ ни одна не можетъ наполнить его сердце, и онъ—житель зем-ли является гражданиномъ неба. Онъ земного не ищетъ, но всѣмъ обладаетъ, онъ къ земному не стре-мится, но все къ нему направляется. „Свободенъ сый отъ всѣхъ, онъ множайшія приобрѣтаетъ“ (I Кор. IX, 19). Въ какомъ-бы званіи ни состоялъ, какое-бы служеніе ни отправлялъ, онъ, живя мыслию о буду-щей жизни, возвышаетъ и свое званіе и свое служе-

ніе. И тамъ, гдѣ онъ служитъ, исчезаетъ неправда, прекращаются страданія, водворяется справедливость, такъ какъ „на пути правды—жизнь, и на стезѣ ея нѣтъ смерти“ (Притч. XII, 28).

Отцы и братіе! Кто изъ насъ не усматриваетъ въ жизни почившаго святителя этихъ чертъ истинно христіанской спасительной жизни? Кому изъ насъ не представляется именно въ такомъ видѣ дѣятельность этого неумоимаго первосвятителя—труженика? Да и намъ ли однимъ? Градъ столичный—что о немъ скажетъ? Саратовъ и Нижній—что передадутъ? Грузія и Москва?.. Не благословляютъ ли и не будутъ-ли благословлять они священную память его? А Кіевъ?.. Но еще и года нѣтъ съ той поры, когда вся святая Русь всколыхнулась, чтобы почтительно выразить свою любовь и засвидѣтельствовать благоговѣйную признательность нашему святителю. И сможетъ ли кто сказать, какое изъ этихъ чувствъ было болѣе сильнымъ: чувство-ли *любви къ архипастырю* за его личныя качества или чувство признательности за его многоплодную дѣятельность? Выражая одно чувство, всѣ выражали и другое.

Такъ, никому невѣдомый въ началѣ своей жизни и скромный всегда, почившій святитель, не ища, получаетъ почетъ и власть въ Церкви, уваженіе и любовь во всей землѣ русской, благоговѣйное почитаніе во всемъ мірѣ православномъ.

Что возвысило его такъ? Возвысило его то духовное настроеніе, въ которомъ онъ пребывалъ всѣ дни жизни своей. Ровно текла эта жизнь, принесенная въ жертву Богу. Нѣтъ въ ней ничего поражаю-

щаго и изумляющаго, —она чужда всего этого. Но если всмотрѣться въ нее внимательнѣе, то сразу-же можно замѣтить все богатство ея, всю полноту ея содержанія, которое все всецѣло состояло изъ заботы о благѣ другихъ. Принимая на себя подвигъ архипастырскаго служенія, онъ даетъ обѣтъ—„жить и служить не для себя, а для Церкви Божіей и для душъ, которыя будутъ ввѣряться его архіерейскому смотрѣнію и попеченію“—и этотъ обѣтъ потомъ свято выполняетъ онъ во всю свою жизнь, твердо и неуклонно осуществляя требованія вѣчной правды Божіей и своего любвеобильнаго сердца. Съ величавымъ спокойствіемъ, поразительнымъ терпѣніемъ и неоскудѣвающею любовью, твердо и безъ колебаній раскрываетъ онъ сокровищницу своей души и износитъ оттуда „новое“ и „старое“ (Мѣ. XIII, 52), строя новое на опытѣ добраго стараго и устроя такъ благо своихъ пасомыхъ. Все, всю душу свою отдаетъ онъ дѣлу своего пастырскаго служенія, почему и со стороны пасомыхъ получаетъ столько, сколько рѣдко выпадаетъ на долю одного человѣка. Между пастыремъ и пасомыми происходитъ трогательный обмѣнъ того, что есть въ человѣкѣ самого дорогого. Взаимныя молитвенныя благожеланія сказываются тѣмъ, что пастырь незамѣтно для себя восходитъ по степенямъ святительскаго служенія до высоты Перво-святителя, которое объемлетъ всю русскую Церковь, весь православный русскій народъ. Чуждый мірскаго шума и суеты—инокъ, до конца дней своихъ смиренный подвижникъ, дѣлается свѣтиломъ, подъ благотворными лучами котораго произрастаютъ на нивѣ Божіей сѣмена истинной вѣры и правды. Сѣять эти сѣмена и заботиться о произрастаніи ихъ онъ счи-

таетъ главнымъ дѣломъ своего служенія. Человѣкъ не отъ міра сего, онъ вслушивается въ призывъ міра и старается отвѣтить на него властнымъ словомъ и добрымъ дѣломъ, научая и другихъ поступать такъ.

Среди тягостей архипастырскаго служенія, духовное бремя душъ пасомыхъ было какъ-бы недостаточно тяжело для него и онъ возлагаетъ на себя тяжесть заботы и объ ихъ матеріальномъ благополучіи. Строя св. храмы, училища, онъ строитъ и богадѣльни и больницы.—спасая и просвѣщая души, исцѣляя тѣла, онъ безъ шума старается и вещественнымъ хлѣбомъ насытить алчущихъ. Много несчастныхъ и обездоленныхъ горько зарыдають, услыхавъ о смерти своего благодѣтеля.

Но скорбь эта—скорбь личная, утопающая въ глубинѣ общей скорби, вызываемой столь тяжелою утратою, понесенною Церковью, обществомъ и всѣмъ православнымъ міромъ.

Всякому видно, что въ спасительномъ смыслѣ представляетъ собою наше время. На нашихъ глазахъ появились вѣянія, носители и выразители которыхъ стараются поколебать и ниспровергнуть все великое и святое, чѣмъ доселѣ жило христіанское общество, и во имя истины и правды совершаютъ страшное насиліе надъ душою и совѣстію вѣрующаго. Человѣкъ внутренний со всѣми его святыми чаяніями, вѣрованіями и желаніями отвергается и осмѣивается, какъ наслѣдіе затхлаго прошлаго.

Явились обновители и воскресители, предлагающіе христіанину сознаться въ томъ, что онъ былъ

доселѣ неправъ, былъ дурнымъ, предлагаютъ ему жить по ихнему, чтобы быть хорошимъ, предлагаютъ жить по божьему безъ вѣры въ Бога. Такою проповѣдью закрываютъ они путь къ вѣрѣ для тѣхъ, кто въ ней наиболѣе нуждается и кто ея горячо ищетъ. И это совершается подѣ видомъ заботы о благѣ ближнихъ.

Тяжелое теперь время. Всякій, кто не разучился мыслить и чувствовать, переживаетъ теперь невыносимое горе, видя гибель обновляемыхъ и гибель самихъ обновителей. Эти люди, „имже кончина погибель и слава въ студѣ ихъ, иже земная мудрствуютъ“ (Филип. III, 19), не понимаютъ или не желаютъ понять того, что крѣпость, на которую они посягаютъ и которою держится все, Церковь Христова, внѣ ихъ усилій,—но они продолжаютъ дѣйствовать въ томъ же гибельномъ направленіи, прививая ядъ и сѣя смуты среди членовъ церковнаго тѣла. Заражаясь примѣромъ ихъ и наставленіями другихъ враговъ Церкви, нѣкоторые изъ дѣтей ея, достойныя полного сожалѣнія, въ простотѣ, своей также воображаютъ себя призванными обновителями и церковной жизни и церковной вѣры. Гибнутъ и эти.

Вотъ почему, и поэтому въ особенности при взглядѣ на сей гробъ чувствуется въ сердцѣ острая боль отъ сознанія тяжелой утраты. Если и всегда, то въ настоящее время наиболѣе необходимъ на церковной свѣщницѣ человѣкъ, въ которомъ воплощалась бы вся жизнь, совокупность здѣшней земной и не здѣшней небесной. Только при такомъ представленіи жизни и живомъ образѣ такой жизни, жизнь земная не является какимъ-то отрывкомъ, не имѣю-

щимъ начала и конца, отрывкомъ, не имѣющимъ опредѣленнаго смысла, а является частію великаго и таинственнаго цѣлаго, которое во времени безконечно.

Взирая на живой образъ такой единственно истинной и имѣющей глубокой смыслъ жизни, иные изъ современныхъ просвѣтителей, въ которыхъ не заглохла еще совѣсть, стѣснялись, а другіе и не дерзали говорить о жизни иной другого характера.

Въ виду этого невольно подумаешь о жестокости смерти, взявшей отъ насъ нашего Святителя. скалу нашей вѣры и крѣпость нашей надежды.

Но такъ какъ „наше житіе на небесѣхъ есть“ (Фил. III, 20), то мы должны утѣшиться тѣмъ, что отецъ нашъ достигъ, наконецъ, того, къ чему стремился здѣсь всю свою жизнь, чаяніе его исполнилось, упованіе не посрамило. И мы можемъ утѣшиться, мысленно слѣдя за его орлинымъ полетомъ къ горнему отечеству.

Первосвятитель Церкви нашей, украшеніе ея, гордость и утѣшеніе наше! Мы съ радостію взираемъ на твое стремленіе къ небу и съ любовью будемъ обращать къ тебѣ взоры свои. О, если бы жизнь твоя, нашъ добрый святитель, научила и изъ насъ cadaго смотрѣть даже и на минуту своей жизни, какъ на звено не имѣющаго кончиться бытія! О, если бы примѣромъ твоей жизни подвиглись и мы къ жизни въ чаяніи жизни будущаго вѣка!

Благослови насъ, святитель нашъ, и молись за насъ. Владыко нашъ святой; молись своими чистыми, праведными, не знающими скверны, устами! Поддер-

жи своею молитвою насъ, немощнѣйшихъ чадъ твоихъ, да и мы, въ единомъ съ тобою чаяніи, хотя бы и робкими стопами достигли горняго отечества, гдѣ ты теперь пребываешь съ Господомъ, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Архи. пандритъ Платонъ.